

Божий мир

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 25 января, 2025
Божий мир БОЖИЙ МИР

В.Н.Юферову

Как на божий мир, премудрый и прекрасный,
Я взгляну прилежней думой беспристрастной,

Точно будто тщето плача и тоскуя,
У дороги пыльной в знойный день стою я...

Тянется дорога полосой длинной,
Тянется до моря... Всё на ней пустынно!

Нет кругом деревьев, лишь одни кривые
Высятся печально вехи верстовые.

И по той дороге вдаль неутомимо
Идут пешеходы мимо всё да мимо.

Что у них за лица? С невеселой думой
Смотрят исподлобья злобно и угрюмо, –

Те без рук, другие глухи, а иные
Идут спотыкаясь, точно как слепые.

Тесно им всем вместе, ни один не может
Своротить с дороги – всех перетревожит...

Разве что телега пробежит порою,
Бледных трупов ряд оставя за собою...

Мрут они... Телега бедняков сдавила –
Что ж! Не в первый раз ведь слабых давит сила.

И телеге тоже ведь не меньше горя:
Только поскорее добежит до моря...

И опять всё смолкнет... И всё мимо, мимо
Идут пешеходы вдаль неутомимо,

Идут без ночлега, идут в полдень знойный,
С пылью поднимая гул шагов нестройный.

Где ж конец дороги?
За верстой последней,
Омывая берег у скалы соседней,

Под лучами солнца, в блеске с небом споря,
Плещется и бьется золотое море.

Вод его не видя, шуму их не внемля,
Бедные ступают прямо как на землю, —

Воды, расступаясь, путников как братьев
Тихо принимают в мертвые объятия,

И они всё так же злобно и угрюмо
Исчезают в море без следа и шума.

Говорят, что в море, в этой бездне чудной,
Взыщется сторицей путь их многотрудный,

Что за каждый шаг их по дороге пыльной
Там вознаграждение пышно и обильно!

Говорят... А море в красоте небесной
Так же нам незримо, так же неизвестно,

А мы видим только вехи верстовые —
Прожитые даром годы молодые,

Да друг друга видим — пешеходов темных,
Тружеников вечных, странников бездомных,

Видим жизнь пустую, путь прямой и дальний,
Пыльную дорогу — божий мир печальный...

15 ноября 1856 г.

• «Сегодня мне исполнилось 17 лет...»

1.

«Шестнадцать только лет! – с улыбкою холодной
Твердили часто мне друзья. –

И в эти-то года такой тоской бесплодной
Звучит элегия твоя!

О нет! Напрасно, вняв ребяческим мечтаньям,
О них рассказывал ты нам, –

Не верим мы твоим непризнанным страданиям,
Твоим проплаканным ночам.

Взгляни на нас: толпой беспечно горделивой
Идем мы с жребием своим,

И жребий наш течет так мирно, так счастливо,
Что мы иного не хотим.

На чувство каждое мы смотрим безразлично,
А если и грустим порой,

Смотри, как наша грусть спокойна и прилична,
Как вся проникнута собой!

Пускай же говорят, что теплого участия

В нас горе ближних не найдет,

Что наша цель мелка, что грубо наше счастье,

Что нами двигает расчет...

Давно прошла пора, когда не для забавы

Таких бы слушали речей, –

Теперь иной уж век, теперь иные нравы,

Иные страсти у людей.

А ты? Ты жить, как мы, не хочешь, не умеешь,

И, полон гордой суеты,

Еще, как неба дар, возносишь и лелеешь

Свои безумные мечты...

Поэт, беги ты их, как губительной заразы, –

Их судит строгая молва,

И все они, поверь, одни пустые фразы

И заученные слова!»

2.

Не для судей моих в ответ на суд жестокий,
Но для тебя, былых годов
Мой друг единственный, печальный и далекий,
Я сердце высказать готов.
Ты понял скорбь души, заглохшей на чужбине,
Но сам нередко говорил,
Что должен я беречь и прятать, как святыню,
Ее невысказанный пыл.
Ты музу скромную, не зная оправданья,
Так откровенно презирал...
О, я тебе скажу, как часто в час страданья
Ее, изменницу, я звал!
Я расскажу тебе, как я в тоске нежданной,
Ища желаньям предел,
Однажды полюбил... такой любовью странной,
Что долго верить ей не смел.
Бог весть, избыток чувств рвался ли неотвязно
Излиться вдруг на ком-нибудь,
Воображение ль кипело силой праздной,
Дышала ль чувственностью грудь, —
Но только знаю я, что в жизни одинокой
То были лучшие года,
Что я так пламенно, правдиво и глубоко
Любить не буду никогда.
И что ж? Неузнанны, осмеяны, разбиты,
К ногам вседневной суеты
Попадали кругом, внезапной тьмой покрыты,
Мои горячие мечты.
Во тьме глухих ночей, глотая молча слезы
(А слез, как счастья, я ждал!),
Проклятьями кормил я девственные грезы
И понапрасну проклинал...
Порой на будущность надежда золотая
Еще светлела впереди,
Но скоро и она погасла, замирая

В моей измученной груди...

Тому уж год прошел, то было ночью темной.

Раз, помню, выбившись из сил,

Покинув шумный пир, по площади огромной

Я торопливо проходил.

Бог знает, отчего тогда толпы веселой

Мне жизнь казалась далека,

И на сердце моем, как камня гнет тяжелый,

Лежала черная тоска.

Я помню, мокрый снег мне хлопьями нещадно

Летел в лицо; над головой

Холодный ветер выл; пучиной безотрадной

Висело небо надо мной.

Я подошел к Неве... Из-за свинцовой дали

Она глядела всё темней,

И волны в полосах багровых колебали

Зловещий отблеск фонарей.

Я задрожал... И вдруг, отчаяньем томимый,

С последним ропотом любви

На мысль ужасную напал... О, мимо, мимо,

Воспоминания мои!

3.

.

4.

.

5.

Но образы иные

Меня преследуют порой:

То детства мирного виденья золотые

Встают нежданно предо мной,

И через длинный ряд тоски, забот, сомненья

Опять мне слышатся в тиши

И игры шумные, и тихие моления,

И смех неопытной души.
То снова новичком себя я вижу в школе...
Мой громкий смех замолк давно;
Я жадно рвусь душой к родным полям и к воле,
Мне всё так дико и темно.
И тут-то в первый раз, небесного напева
Кидая звуки по земле,
Явилась мне она, божественная дева,
С сияньем музы на челе.
Могучей красотой она не поражала,
Не обнажала скромных плеч,
Но сладость тихую мне в душу проливала
Ее замедленная речь.
С тех пор везде со мной: в трудах, в часы досуга,
В мечте обманчивого сна,
С словами нежными заботливого друга
Как тень носилась она.
Дрожащий звук струны, шумящий в поле колос,
Весь трепет жизни в ней кипел;
С рыданием любви ее сливался голос
И песни жалобные пел.
Но, утомленная моей борьбой печальной,
Моих усилий не ценя,
Уже давно, давно с усмешкою печальной
Она покинула меня.
И для меня с тех пор весь мир исчез, объятый
Какой-то страшной пустотой,
И сердце, сражено последнею утратой,
Забилось прежнею тоской.

6.

Вчера еще в толпе, один, ища свободы,
Я, незамеченный, бродил
И тихо вспоминал все прожитые годы,
Всё, что я в сердце схоронил.
«Семнадцать только лет, — твердил я, изнывая, —

А сколько горечи, и зла,
И бесполезных мук мне эта жизнь пустая
Уже с собою принесла!»
Я чувствовал, как рос во мне порыв мятежный,
Как желчь кипела всё сильнее,
Как мне противен был и говор неизбежный,
И шум затверженных речей...
И вдруг передо мной, небесного напева
Кидая звуки по земле,
Явилась она, божественная дева,
С сияньем музы на челе.
Как я затрепетал, проникнут чудным взором,
Как разом сердце расцвело!
Но строгой важностью и пламенным укором
Дышало милое чело.

«Когда взволнован ты, – она мне говорила, –
Когда с тяжелой тоской
Тебя влечет к добру неведомая сила,
Тогда зови меня и пой!
Я в голос твой пролью живые звуки рая,
И пусть не слушают его,
Но с ним твоя печаль как пыль исчезнет злая
От дуновенья моего!
Но в час, когда томим ты мыслью беспокойной,
Меня, посланницу любви.
Для желчных выходов, для злобы недостойной
И не тревожь, и не зови!..»

Скажи ж, о муза, мне: святому обещанью
Теперь ты будешь ли верней,
По-прежнему ль к борьбе, к труду и упованью
Пойдешь ли спутницей моей?
И много ли годов, тая остаток силы,
С тобой мне об руку идти,
И доведешь ли ты скитальца до могилы
Или покинешь на пути?

А может быть, на стон едва воскресшей груди
Ты безответно замолчишь,
Ты сердце скорбное обманешь, точно люди,
И, точно радость, — улетишь?..
Быть может, и теперь, как смерть неумолима,
Затем явилась ты сюда,
Чтобы в последний раз блеснуть неотразимо
И чтоб погибнуть навсегда.

15 ноября 1857 г., Санкт-Петербург. Goşgular